

В очередном выпуске Хрестоматии представлены выдержки из работы С.Кара-Мурзы, посвященная подходам и методам подготовки и осуществления «бархатных» революций.

Источник:

<http://www.kara-murza.ru/books/export/>

СОДЕРЖАНИЕ

- ГЛАВА 3.
«БАРХАТНЫЕ» РЕВОЛЮЦИИ КАК СПЕКТАКЛЬ ПОСТМОДЕРНА
- ГЛАВА 4.
«БАРХАТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» КАК ПРОГРАММА МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ

ЦЕНТР «АНАЛИТИК», 2012

www.rc-analitik.ru

АНО Центр «Аналитик» является исследовательской некоммерческой организацией, задачей которой является объективный анализ информационных технологий и процессов. Наша деятельность ориентирована на выработку эффективных решений в сфере управления информационной политикой в экономическом и правительственном секторах.

ЭКСПОРТ РЕВОЛЮЦИИ: ЮЩЕНКО, СААКАШВИЛИ...

Глава 3. «Бархатные» революции как спектакль постмодерна

Принято говорить, что «бархатные» революции – продукт эпохи постмодерна. Что это значит?

Революции эпохи модерна - как буржуазные, так и антибуржуазные - вызревали и предъявляли свои цели и свою доктрину на основе рациональности Просвещения. Язык и проблематика Просвещения задавали ту матрицу, на которой вырастали представления о мире и обществе, о правах и справедливости, о власти и способах ее свержения, о компромиссах и войне групп и классов. Под доктринами революций был тот или иной *центральный текст*, корнями уходящий в ту или иную мировую религию. Революционные силы могли объединяться или раскалываться в связи с трактовкой этого текста (например, «Капитала» Маркса), но все это происходило в определенной системе координат, установки и вектор устремлений партий и фракций можно было соотнести с достаточно жесткими утверждениями почти научного типа.

Постмодерн разрушил эти матрицы и главные центральные тексты, произвел, как говорят, их *деконструкцию*. Проблема истины или правильности понимания аксиом и формул исчезла, исчезли и сами аксиомы, они не складываются в системы. Цели и аргументы могут полностью игнорировать причинно-следственные связи и даже быть совершенно абсурдными. Этот переход был на индивидуальном уровне ознаменован всплеском немотивированных преступлений, так что категории юриспруденции, возникшей как продукт Просвещения, зачастую просто неадекватны природе социальных патологий. На коллективном уровне мы наблюдаем всплеск рационально не мотивированных конфликтов, вспышек насилия, бессмысленных бунтов и «выращенных в лаборатории» революций.

Произошедшие недавно на наших глазах «цветные» революции просто не могут быть истолкованы в привычной логике *разрешения социальных противоречий*. Политологи с удивлением пишут: «Ни одна из победивших революций не дала ответа на вопрос о коренных объективных причинах случившегося. А главное, о смысле и содержании ознаменованной этими революциями новой эпохи. После революций-то что? Ни от свергнутых и воцарившихся властей, ни со стороны уличных мятежников, которые явно заявили о себе как об активной оппозиционной политической силе, до сих

пор ничего вразумительного на этот счет не прозвучало»¹¹. Эти революции и являются интересующим нас предметом.

Двадцатый век был переломным в деле манипуляции общественным сознанием. Сложилась наука, которая занималась этой проблемой, — *социальная психология*, один из краеугольных камней которой заложил Гюстав Лебон в своем учении о *толпе*. Возникли и теоретические концепции — учение о культурной гегемонии, учение о подсознательном. Параллельно развивалась новаторская и жесткая практика «*толпообразования*», превращения больших масс людей в толпу и манипуляции ею.

Возникли новые технологические средства, позволяющие охватить интенсивной пропагандой миллионы людей одновременно. Возникли и организации, способные ставить невероятные ранее по масштабам политические спектакли — и в виде массовых действий и зрелищ, и в виде кровавых провокаций. Появились странные виды искусства, сильно действующие на психику (например, *перформанс*, превращение куска обыденной реальности в спектакль).

Особенностью политической жизни конца XX века стало освоение политиками и даже учеными *уголовного мышления* в его крайнем выражении «беспредела» — мышления с полным нарушением и смешением всех норм. Всего за несколько последних лет мы видели в разных частях мира заговоры и интриги немыслимой конфигурации, многослойные и «отрицающие» друг друга. Мы видим резкое ослабление национального государства, одного из важнейших творений эпохи Просвещения. Едва ли не главным признаком этого ослабления является *приватизация насилия* — использование и морального, и физического насилия негосударственными структурами и коллективами (политическими и преступными). Зачастую уже государство втягивается как один из актеров в политические спектакли с применением насилия, поставленные теневыми режиссерами (как в случае терроризма).

Все это вместе означало переход в новую эру — *постмодерн*, с совершенно новыми, непривычными этическими и эстетическими нормами. Один из философов постмодернизма сказал: “Эпоха постмодерна представляет собой время, которое остается людям, чтобы стать достойными гибели”. Это само по себе — постмодернистская метафора. Здесь для нас важно отметить, что постмодернизм — это радикальный отказ от норм Просвещения, от

классической логики, от рационализма и понятия рациональности вообще. Это стиль, в котором “все дозволено”, “апофеоз беспочвенности”. Здесь нет понятия истины, а есть лишь суждения, конструирующие любое множество реальностей.

Этот переход накладывается на более широкий фон *антимодерна* — отрицания норм рационального сознания, норм Просвещения. Что это означает в политической тактике? Прежде всего, постоянные разрывы непрерывности. Действия с огромным «пе-ребором», которых никак не ожидаешь. Человек не может воспринимать их как реальность и потому не может на них действительно реагировать — он парализован. Можно вспомнить танковый расстрел Дома Советов в 1993 г. — то-гда и подумать не могли, что устроят такое в Москве.

Это — пример большого спектакля, сильно бьющего по чувствам. Вот случаи поменьше и поспокойнее. Например, Гаити, где неожиданно устроили показательное избиение генералов, отличников боевой и политической подготовки академий США, которые всю жизнь точно выполняли то, что им прика-зы-вали начальники. Вдруг и к ним пришла перестройка — морская пехота США приехала устанавливать демократию и послала ту же уголовную толпу, что раньше забивала палками либеральных демократов, теми же палками забивать родню генералов.

Но буквально с трагической нотой это проявилось в ЮАР. В начале 90-х годов мировой мозговой центр решил, что ЮАР нужно передать, хотя бы номинально, черно-кожей элите, т.к. с нею будет можно до-го-во-ряться, а белые у власти все равно не удержатся. Поскольку вести идеологическую подготовку времени не было, «сво-их» подвергли психологическому шоку, который устранил всякую возможность не только сопротивления, но даже дебатов. Вот маленький инцидент. Перед выборами белые расисты съехались на митинг в пригороде столицы. Митинг был вялый, ничего противозаконного в нем не было. Полиция приказала разъехать-ся, и законопослушные бюргеры подчинились. Неожиданно и без всякого повода полицейские обстреляли одну из машин. Когда из нее выползли потрясенные раненые пассажиры — уважаемые буржуа, — белый офицер подошел и хладнокровно расстрелял их в упор, хотя они умоляли не убивать их. И почему-то тут же была масса репортеров. Снимки публиковались в газетах и все было показано по западному ТВ. Всему миру был представлен великолепный спектакль.

Расстрел белых расистов в ЮАР и избивание, по указке консула США, членов военной хунты на Гаити открыли новую страницу в истории политических технологий. Новые методы манипуляции сознанием обеспечивают столь надежный контроль за поведением масс, что с помощью толпы можно провести революцию, а через короткое время с помощью той же самой толпы – контрреволюцию.

В известном смысле постмодерн стирает саму грань между *революцией* и *реакцией*. Постмодернистский характер политических технологий, применяемых при «демократизации» государств переходного типа, проявляется в разных признаках архаизации общественных процессов. Одним из таких проявлений стал *политический луддизм*, который был применен в ходе «оранжевой» революции на Украине и, видимо, немало удивил наблюдателей. «В ходе событий в Тбилиси, Киеве и Бишкеке появились первые признаки того, что на политической повестке дня оказались уже не вопросы борьбы за власть, а борьбы с властью»^[21]. Ранее он был присущ «слаборазвитым» странам, и трудно было ожидать, что он так органично впишется в политические технологии страны с все еще высокообразованным населением.

Речь идет о том, что политическая сила, которая представляет себя как оппозицию существующей власти, демонстративно препятствует работе власти вообще - борется не против конкретной политики власти, а отвергает ее как институт, образно говоря, разрушает машину государства. По свидетельству наблюдателей, для выборов в Южной Азии (Шри Ланка, Индия, Бангладеш) характерно, «что протестующие толпы людей нападают на правительственные здания и уничтожают их и государственное имущество, парализуя общественные учреждения и службы, то есть тот самый общественный капитал и инфраструктуру, которые созданы якобы для их обслуживания»^[31].

Как ни странно, именно эта сторона «оранжевой» революции вдохновила некоторых российских политтехнологов-постмодернистов. Они увидели в этом многообещающую форму политического действия. Суть ее в «организационном оформлении широкого народного движения нового типа, которое будет видеть смысл и цель своего существования не в борьбе за власть, а в борьбе с властью. Отсюда, от этого полюса, будет постоянно исходить импульс атаки на любую власть, какой бы она ни была по персонально-качественному составу или идейно-политической ориентации. В случае

возникновения и организационного оформления этого полюса в России может возникнуть инструмент эффективного, не отягощенного конформизмом посредников воздействия на власть»^[41].

Западные философы, изучающие современность, говорят о возникновении *общества спектакля*. Мы, простые люди, стали как бы зрителями, заставив дыхание наблюдающими за сложными по-во-ро-тами захватывающего спектакля. А сцена – весь мир, и не-види-мый режиссер и нас втягивает в массовки, а артисты спускаются со сцены в зал. И мы уже теряем ощущение реальности, перестаем понимать, где игра актеров, а где реальная жизнь. Здесь возникает диалектическое взаимодействие с процессом превращения людей в толпу. Лебон сказал о толпе, что «нереальное действует на нее почти так же, как и реальное, и она имеет явную склонность не отличать их друг от друга».

Речь идет о важном сдвиге в культуре, о сознательном стирании грани между жизнью и спектаклем, о придании самой жизни черт карнавала, условности и зыбкости. Это происходило, как показал М. Бахтин, при ломке традиционного общества в средневековой Европе. Сегодня эти культурологические открытия делают политической технологией.

Использование технологий *политического спектакля* стало общим приемом перехвата власти. В каждом случае проводится предварительное исследование культуры того общества, в котором организуется свержение власти. На основании этого подбираются «художественные средства», пишется сценарий и готовится режиссура спектакля. Если перехват власти проводится в момент выборов, эффективным приемом является создание обстановки максимально «грязных» выборов – с тем, чтобы возникло общее ощущение их фальсификации. При этом возникает обширная зона неопределенности, что дает повод для большого спектакля «на площади». Последнее время дало нам два классических примера – «революцию роз» и «оранжевую революцию».

Разработка и применение этих технологий стали предметом профессиональной деятельности больших междисциплинарных групп специалистов, которые выполняют заказы государственных служб и политических партий. Эти разработки ведутся на высоком творческом уровне, сопровождаются оригинальными находками и в настоящее время стали важным проявлением высокого научно-технического потенциала Запада. В самые последние годы для постановки кровавых спектаклей

привлекаются (неважно, прямо или косвенно) организации террористов.

А. Чадаев так пишет об «оранжевой революции» на Украине: «Виктор Ющенко не вёл себя как настоящий революционер. Скорее, он был похож на средневекового карнавального «майского короля», сидящего в бумажной короне на пивной бочке посреди главной площади, и горланящего свои «указы» на потеху весёлым согражданам. Но именно эта «несерьёзность» — или, точнее, полусерьёзность происходящего — и стала специфическим оружием «оранжевой революции» (как до этого и «революции роз», и всех прочих), у власти не нашлось средств для отпора этому оружию.

Какой момент является ключевым для революции? Тот, когда правила, навязанные и отстаиваемые властью (легальная процедура, её силовое обеспечение, система норм и ограничений), подменяются логикой игры. Тогда реальность карнавала торжествует над обыденностью, и происходит переворот — короли меняются местами: «майский» оказывается реальным правителем, а «настоящий» самодержец — шутом с базарной площади. Приняв навязанные ему правила игры, он в логике симметричных действий пытается делать то же самое, что делал только что его оппонент (сторонники Януковича тоже надевали ленточки, ставили палатки и мобилизовали актив) — и этот последний акт фиксирует его окончательное поражение. Занавес»^[51].

Структурный анализ использования воображения в целях превращения людей в толпу (вообще господства) дал французский философ Ги Дебор в известной книге «Общество спектакля» (1967)^[61]. Он показал, что современные технологии манипуляции сознанием способны разрушить в человеке знание, полученное от реального исторического опыта, заменить его знанием, искусственно сконструированным «режиссерами». В человеке складывается убеждение, что главное в жизни — видимость, да и сама его общественная жизнь — видимость, спектакль. И оторваться от него нельзя, так как перед глазами человека проходят образы, гораздо более яркие, чем он видит в своей обычной реальной жизни в обычное историческое время. «Конкретная жизнь деградирует до спекулятивного пространства» (как видно из самого слова, спектакль и есть нечто спекулятивное).

Человек, погруженный в спектакль, утрачивает способность к критическому анализу и выходит из режима *диалога*, он оказывается в социальной изоляции. Такое состояние поддерживается искусст-

венно, возник даже особый жанр и особая способность — *непрерывное говорение*. Человек, слушая его, просто не имеет возможности даже мысленно вступать с получаемыми сообщениями в диалог. На радио и телевидении, на митингах и массовых собраниях появились настоящие виртуозы этого жанра.

Ги Дебор уделяет особое внимание тому особому ощущению «псевдоциклического» времени, которое возникает у человека, наблюдающего политический спектакль. Время спектакля, в отличие от исторического времени, становится не общей ценностью, благодаря которой человек вместе с другими людьми осваивает мир, а разновидностью товара, который потребляется индивидуально в стандартных упаковках. Один «пакет» спектакля «стирает» другой. Как неоднократно повторяет теоретик современного западного общества К. Поппер в книге «Открытое общество и его враги», «история смысла не имеет»!

Общество спектакля — это «*вечное настоящее*». В реальной жизни время, как важнейшая координата бытия, ощущается в движении «прошлое — настоящее — будущее». Настоящее понимается в неразрывной связи с прошлым и с ответственностью за будущее. Спектакль способен как бы «остановить» настоящее. При этом не остается места для проявления воли человека, будущее запрограммировано режиссером. Как пишет Ги Дебор, это вечное настоящее «достигается посредством нескончаемой череды сообщений, которая идет по кругу от одной банальности к другой, но представленных с такой страстью, будто речь идет о важнейшем событии». Режиссеры спектакля становятся абсолютными хозяевами воспоминаний человека, его устремлений и проектов. Актерами «спектакля» являются политики.

М. Эдельман в книге «Конструирование политического спектакля» пишет об этом превращении политиков в символические маски актеров: «Политические лидеры стали символами компетентности, зла, национализма, обещания будущего и других добродетелей и пороков и таким образом помогают придавать смысл беспорядочному миру политики. Наделяя образы лидеров смыслом, зрители определяют собственные политические позиции. В то же время, вера в лидерство является катализатором конформизма и повиновения. Термин, который возбуждает воображение большого числа людей и в то же время помогает организовать и дисциплинировать их, является эффективным политическим инструментом, хотя и неопределен-

ным в последствиях его применения».

Ги Дебор отмечает и другое важное качество «общества спектакля» — «Обман без ответа; результатом его повторения становится исчезновение общественного мнения. Сначала оно оказывается неспособным заставить себя услышать, а затем, очень скоро, оказывается неспособным сформироваться». Из кого же состоит общество, не способное выработать своего мнения? Сегодня это общество из людей «мозаичной» культуры, людей *постмодерна*. Когда истины нет в принципе, а есть только интерпретации разных кусочков мозаики – как же можно выработать общее мнение?

В обществе спектакля особым видом театрализованного ритуала являются *выборы*. Антропологи видят в спектакле выборов перенесенный в современность ритуал древнего театрализованного государства, отражающий космический порядок, участниками которого становятся подданные. С. Тамбиа пишет: «Идея театрализованного государства, перенесенная и адаптированная к условиям современного демократического государства, нашла бы в политических выборах поучительный пример того, как мобилизуются их участники и как их преднамеренно подталкивают к активным действиям, которые в результате нарастающей аффектации выливаются во взрывы насилия, спектакли и танцы смерти до, во время и после выборов. Выборы - это спектакли и соревнования за власть. Выборы обеспечивают политическим действиям толпы помпезность, страх, драму и кульминацию. По существу, выборы служат квинтэссенцией политического театра»^[7].

Автор описывает сценические приемы спектакля выборов, применяемые в тех странах Южной Азии, где архаизация и «этнизация» этого спектакля заметнее всего. Поразительно, с какой точностью эти приемы были повторены во время «оранжевой» революции на Майдане Незалежности в Киеве. Автор пишет: «Процессии как публичные зрелища проходят в окружении «медленных толп» зрителей. Эксгибиционизм, с одной стороны, и восхищающаяся аудитория зрителей - с другой, являются взаимосвязанными компонентами спектакля. Митинги, завершающиеся публичными речами на открытых пространствах. Центральным элементом массового ораторства является энергичная декламация стереотипных высказываний с готовыми формулировками, сдобренными мифически-историческими ссылками, напыщенным хвастовством, групповой диффамацией, грубыми оскорблениями и измышлениями про-

тив оппонентов. Эти речи передаются и усиливаются до рвущего барабанные перепонки звука с помощью средств массовой информации - микрофонов, громкоговорителей, современных теле- и видеоаппаратуры. Этот тип шумной пропаганды эффективно содействовал «демонизации» врага и появлению чувства всемогущества и правоты у участников как представителей этнической группы или расы»^[8].

Выборы как политический спектакль представляют для нас особый интерес потому, что в этот переходный момент смены властной верхушки происходит временное ослабление государства, что и используется, как правило, для проведения постмодернистских революций (это наблюдалось в Сербии, Грузии, на Украине и в Киргизии). Моральное или прямое насилие и «политический луддизм» стали важной технологией таких выборов. Эта проблема изучена на материале бывших колониальных стран, но она актуальна и для постсоветских государств. С. Тамбиа пишет: «В ходе подробного исследования, которое я в настоящее время веду по теме недавних этнических беспорядков в Южной Азии, я все более утверждался во мнении, что то, как организуются политические выборы и события, происходящие до, во время и после выборов, можно в известной степени обозначить через понятие рутинизации и ритуализации коллективного насилия».

Автор изложил репертуар «ритуала» коллективного насилия как перечень «организованных, ожидаемых, запрограммированных и повторяющихся черт и фаз внешне спонтанных, хаотических и необузданных действий толпы как агрессора и преследователя».

Государства «переходного типа», такие как недавно освободившиеся от колониальной зависимости или перенесшие катастрофический слом прежней государственности (постсоветские), имеют систему институтов и норм в крайне неравновесном состоянии. По структуре эта система напоминает постмодернистский текст, в котором смешаны архаика и современность с их несовместимыми стилями. В качестве примера один автор приводит для РФ «феноменальную госсимволику (в частности, систему государственных наград, в которой орден Красной Звезды существует вместе с орденом Андрея Первозванного), отсутствие общих воззрений на собственное прошлое. Яркий пример — недавнее открытие в Иркутске памятника Колчаку под звуки советского гимна. Вместо государства в России возник комплекс случайных полити-

ческих институтов, лишенных фундамента и соборных всухую, без раствора».

В таких государствах ряд черт, присущих демократической системе, проявляется не в форме выработанных на Западе условных театрализованных ритуалов, а в жесткой, иногда абсурдной форме. К числу таких черт относится предусмотренное сценарием демократических выборов открытое выражение взаимной враждебности кандидатов и партий^[9]. В государствах «переходного типа» сцены этой враждебности играют с применением реального или очень жесткого условного (как это было на Украине) насилия.

С. Гамбия пишет: «Демократические» политические выборы в недавно получивших независимость странах представляют собой один из основных компонентов саги о коллективном насилии. Более того, поскольку в рассматриваемых нами обществах ставки на выборах и их результаты представляются очень высокими и важными, и поскольку выборы позволяют и, фактически, поощряют преднамеренное выражение и осуществление поляризующей враждебности, постольку они вполне могут затмить все ранее имевшиеся случаи периодических вспышек рутинного насилия»^[10].

«Бархатных» революций, уничтожающих стабильное жизнеустройство с большим потенциалом развития, не могло бы произойти, если бы образованный слой стран «реального социализма» не воспринял бы мыслительных норм постмодерна. Вот культурологические описания и общества, и человека восточноевропейских стран времени «бархатных» революций: «В молодой восточноевропейской интеллигенции реализовалась специфика «неэкономического» типа цивилизационного развития. Восточноевропейское общество первым дало миру образец «человека постмодерна», опередив Запад, который двигался к той же цели иным путем... Оппозицию коммунистическому режиму в Польше, как впоследствии и в других странах региона, составляли не конкретные социальные силы и не интересы отдельных групп общества, а эмоционально окрашенные идеалы и ценности. Приоритет ценностей над интересами отличает человека традиционного общества, как до известной степени и общества постмодерна, от материалистически и рационалистически ориентированного человека эпохи модерна»^[11].

В Польше «Солидарность», втянув большую часть общества в большой и длительный спектакль, превратила массы людей в зрителей, которые оторвались от почвы социальной реальности и

были очарованы зрелищем войны призраков. Вот к каким выводам, согласно Н.Коровицыной, приходят теперь социологи, изучавшие ту революцию: «Мало кто, наверное, в то время серьезно задумывался о реальных экономических последствиях происшедшего. Вся общественная жизнь была пронизана мифологизмом, а массовые протесты имели характер преимущественно символический. Причем изначально существовало явное противоречие между декларативным принятием идеи общественной трансформации и отсутствием реальной, деятельной поддержки ее реализации. Преобладало мнение, что рано или поздно ситуация исправится автоматически как «естественное вознаграждение за принесенные народом жертвы». Сам протест выражался языком «морального сюрреализма». Для общественных конфликтов в Восточной Европе в целом характерна театральная, ритуальная атмосфера. Особенно это относится к Польше, где наиболее сильны традиции политического символизма».

Более того, «Солидарность» превратила страну не просто в общество спектакля, но в *театр абсурда*. Рабочие своими руками уничтожали какой-никакой, а все же социализм, открывали путь самому тупому и лишенному перспектив капитализму, будучи фундаменталистски привержены именно ценностям солидарного общества, ценностям социализма. Вот анализ Н.Коровицыной, напоминающий протокол вскрытия: «Ценности революции «Солидарности» характеризуются польскими авторами как фундаменталистские. Я.Станицкис назвала сам феномен этой революции «красивым, но политически опасным». «Красивая болезнь» 1980-1981 гг., связанная с появлением и крахом «Солидарности» обернулась «польской драмой»... Радикальные оппоненты режима одновременно принадлежали к числу приверженцев его фундаментальных черт. Период «нормализации», начавшийся в Польше с введения военного положения, характеризуется как ситуация интеллектуального, когнитивного хаоса. Большинство людей в те годы подтверждало существование социального конфликта, но лишь немногие могли определить свое место в нем, понять по какую сторону баррикад они находятся».

Особое внимание философов привлекла совершенно невероятным сценарием Тимишоара — спектакль, поставленный для свержения и убийства Чаушеску в ходе «полубархатной» революции в Румынии в 1989 г.^[12] Изучающий «общество спектакля» итальянский культуролог Дж. Агамбен так пишет о глобализации спектакля, т.е. объеди-

нении по-ли-тических элит Запада и бывшего соцлагеря в серии «бархатных» революций того времени: «Тимишоара представляет кульминацию этого процесса, до такой степени, что ее имя следовало бы присвоить всему новому курсу мировой политики. Потому что там секретная полиция, организовавшая заговор против себя самой, чтобы свергнуть старый режим, и телевидение, показавшее без ложного стыда и фиговых листков реальную по-ли-тическую функцию СМИ, смогли осуществить то, что нацизм даже не осмеливался вообразить: совместить в одной акции чудовищный Ау-ш-виц и поджог рейхстага.

Впервые в истории человечества похороненные не-да-вно трупы были спешно выкопаны, а другие со-б-раны по моргам, а затем изуродованы, чтобы имитировать перед телекамерами геноцид, который должен был бы легитимировать но-вый режим. То, что весь мир видел в прямом эфире на телеэкранах как истинную правду, было абсолютной неправдой. И, несмотря на то, что временами фальсификация была очевидной, это было уза-ко-не-но мировой системой СМИ как истина — чтобы всем стало ясно, что истинное отныне есть не более чем один из моментов в не-об-хо-димом движении ложного. Таким образом, правда и ложь ста-но-вят-ся неразличимыми, и спектакль легитимируется исключительно че-рез спектакль. В этом смысле Тимишоара есть Аушвиц эпохи спек-такля, и так же, как после Аушвица стало невозможно писать и думать, как раньше, после Тимишоары стало невозможно смотреть на телеэкран так же, как раньше».

В телерепортажах из Тимишоары было видно, что перед камерами выкапывают не тела «расстрелянных секуритате» людей, а трупы, привезенные из моргов — со швами, наложенными после вскрытия. Люди видели эти швы, но верили комментариям дикторов. Этот опыт показал, что при бьющей на эмоции картинке ложь можно не скрывать, люди все равно поверят манипулятору^[13]. В самые последние годы для постановки кровавых спектаклей привлекаются (неважно, прямо или косвенно) организации террористов. Сам современный терроризм остается плохо изученным, и контролировать его наличными средствами государственные службы пока не могут.

Тимишоара — крайний случай, в последних версиях «бархатных» революций — «оранжевых» — режиссеры ставят спектакли радостные, толпу соединяют чувством восторга. В одной редакционной статье о событиях на Майдане в Киеве сказано:

«Апельсиновые гуманитарные технологи показали, как можно эффективно использовать революционную романтику, столь милую сердцам интеллектуалов и молодёжи».

Московский культуролог В.Осипов очарован режиссурой «оранжевой революции» на Украине: «Оранжевая революция» осуществлялась мотивированным и хорошо тренированным активом, в подготовку которого были инвестированы немалые средства. Кроме того, она имела постоянное музыкальное сопровождение. Практически все популярные украинские рок-команды непрерывно выступали на Майдане, задавая всему происходящему возбуждающую, восторженную атмосферу, поддерживая дух праздника... Меня поразило, что организаторам удалось несколько недель сохранять в людях состояние энтузиазма и восторга. С активом палаточного городка всё было проще — они жили на Майдане постоянно, получали деньги; но держать в заведённом состоянии толпы киевлян и приезжих, ежедневно приходивших на площадь — сложная и важная гуманитарно-технологическая задача. «Оранжевые» решили её на «хорошо». Им удалось мобилизовать массовое народное движение. В том числе — у тысяч людей, ставших инструментом производства этой иллюзии».

Вот — свойство хорошо поставленного спектакля эпохи постмодерна — сами зрители становятся «инструментом производства иллюзии». Достаточно сравнительно небольших начальных инвестиций, чтобы запустить двигатель спектакля, а затем он работает на энергии эмоций, самовоспроизводящихся в собранную на площади толпу. Объект манипуляции сам становится топливом, горючим материалом — идет цепная реакция в искусно созданном человеческом «реакторе».

Квалификация режиссеров видна и в том, что в правильной дозировке стимулировались сильные эмоции, вступающие в резонанс и дающие кооперативный эффект подавления рационального сознания — эмоции восторга и страха. В.Осипов делает такое наблюдение: «Поддерживалась особая атмосфера приподнятости, сдобренной страхом. Лидерам оппозиции нужно было удерживать актив в напряжении известиями о промежуточных победах и всё новых угрозах. И они делали это очень искусно»^[14].

Важным результатом этих революций-спектаклей становится не только изменение власти (а затем также и других важных в цивилизационном отношении институтов общества), но и поро-

ждение, пусть на короткий срок, *нового народа*. Возникает масса людей, в сознании которых как будто стерты исторически сложившиеся ценности культуры их общества, и в них закладывается, как дискета в компьютер, пластинка с иными ценностями, записанными где-то вне данной культуры.

Р. Шайхутдинов пишет о том, что происходило на Майдане и на что с остолбенением смотрела и старая власть, и здравомыслящая (не подпавшая под очарование спектакля) масса украинцев: «Этот новый народ (народ новой власти) ориентирован на иной тип ценностей и стиль жизни. Он наделён образом будущего, который действующей власти отнюдь не присущ. Но действующая власть не видит, что она имеет дело уже с другим – не признающим её – народом!»

Создание «нового народа» (или даже новой нации) в ходе подобных революций – один из ключевых постулатов их доктрины. Так при разрушении государственности всего СССР в массовое сознание было запущено понятие-символ «новые русские». Вот как объясняли появление этого «нового народа» идеологи, которые готовили большую «бархатную» революцию 1991 г. в Москве. В газете «Утро России» (органе Демократического союза) в марте того года Вадим Кушнир пишет в статье «Война объявлена, претензий больше нет»: «Вот почему я за войну. Война лучше худого лживого мира. После взрыва, находясь в эпицентре сверхситуации, ведя войну всех со всеми, мы сумеем стать людьми. Страна должна пройти через испытания... Война очищает воздух ото лжи и трусости.

Нынешняя «гражданка» скорее будет напоминать американскую, между Севером и Югом... Сражаться будут две нации: *новые русские* и *старые русские*. Те, кто смогут прижиться к новой эпохе и те, кому это не дано. И хотя говорим мы на одном языке, фактически мы две нации, как в свое время американцы Северных и Южных штатов... Скоро, очень скоро у нас у всех появится свобода выбора. Поверьте, это очень увлекательное занятие».

Таким образом, «оранжевые» революции, как революции эпохи постмодерна, отличаются от революций эпохи модерна очень важным и трудно осознаваемым свойством. Они «включают» и в максимально возможной степени используют сплавляющий и разрушительный ресурс *этничности*. Революции индустриальной эпохи, даже будучи мотивированы задачами национального освобождения, сплавляли своих сто-

ронников рациональными идеалами *социальной справедливости*. Они шли под лозунгами классовой борьбы, под знаменем интернационализма людей труда и, можно сказать, маскировали этничность социальной риторикой.

Постмодерн отверг эту рациональность, уходящую корнями в Просвещение и представленную в данном случае прежде всего марксизмом и близкими к нему идеологиями. Отвергая ясные и устойчивые структуры общества и общественных противоречий, постмодерн заменяет класс этносом, что и позволяет ставить насыщенные эмоциями политические спектакли, из которых исключается сама проблема истины. Здесь открывается пространство для ничем не ограниченной мифологии, ценность которой определяется только ее эффективностью.

Опыт показал, что политизированная этничность может быть создана буквально «на голом месте» в кратчайшие сроки, причем одновременно с образом врага, которому разбуженный этнос обязан отомстить или от которого должен освободиться. Достигаемая таким образом сплоченность и готовность к самопожертвованию по своей интенсивности не идут ни в какое сравнение с тем, что обеспечивают мотивы социальной справедливости или повышения благосостояния. При этом большие массы образованных людей могут прямо на глазах сбросить оболочку цивилизованности и рациональности и превратиться в архаичную фанатичную толпу. Власть, действующая в рамках рациональности Просвещения, с такой толпой в принципе не способна конструктивно взаимодействовать (что и показали, например, события конца 80-х и 90-х годов в Средней Азии, на Кавказе и в Югославии).

В ряде случаев сдвиг к рациональности постмодерна провоцирует нежелательную этнизацию и архаизацию обществ, как это происходит, например, в развивающихся странах, переживающих новый всплеск трайбализма, усиления родоплеменного сознания и организации. Не менее сложные проблемы обещает неожиданный возврат казалось бы навсегда ушедшего в прошлое этнического сознания в странах Запада. Но чаще всего агрессивное этническое сознание разжигается в государствах переходного типа в политических или преступных целях.

На эту способность духовной матрицы постмодерна провоцировать и искусственно интенсифицировать этногенез, указывают и антропологи. Дж. Комарофф задается вопросом, не используется ли

эта способность как средство утопить борьбу за разрешение социальных противоречий в хаосе межэтнических столкновений. Он пишет: «О нашем времени часто говорят как о периоде множественности форм субъектности, расплывчатости чувства индивидуальности, как о времени антитоталитарных сил, благодаря которым многое в нашей жизни оказывается непредсказуемым, непоследовательным и полифоничным. Однако неомодернистская политика самоосознания обнаруживает прямо противоположную направленность на такое устройство мира, при котором от Узбекистана до Юкатана, от Анкориджа до Карфагена и от Порт-Морсби до Порт-Элизабет этничность и национальный статус используются как основы для складывания тоталитарных, сплоченных и высоко централизованных субъектов как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях. Возможно ли считать, что постмодернистское увлечение полиморфизмом является всего лишь извращением, то есть что оно - некий результат этноцентричного евро-американского буржуазного сознания, отражающего собственную политику безразличия по отношению к требованиям и защите прав обездоленных?»^[15]

Не будем здесь углубляться в этот вопрос, но отметим лишь, что антисоветские революции в СССР и в Европе, сходная по типу операция против Югославии в огромной степени и с большой эффективностью опирались на искусственное разжигание агрессивной этничности. Технологии, испытанные в этой большой программе, в настоящее время столь же эффективно применяются против постсоветских государств и всяких попыток постсоветской интеграции. Видимо, в недалеком будущем с крупномасштабным применением этого оружия придется столкнуться и Российской Федерации.

Отсюда видно, что эффективно проведенная «оранжевая революция» означает фундаментальное событие в судьбе общества – разрыв непрерывности. Часть населения, подчинившись гипнозу спектакля, выпадает из традиций и привычных норм рациональности предыдущего общества – «перепрыгивает в постмодерн». Но при этом она разрывает и свою связь с реальностью страны, ее новые ценности и «стиль жизни» не опираются на прочную материальную и социальную базу. Будет ли эта реальность меняться так, чтобы прийти в соответствие с новыми ценностями – или всей этой «оранжевой» молодежи придется пройти через период тяжелой фрустрации и вернуться на

грешную землю в потрепанном виде? Проблема в том, что сама «рациональность постмодерна» исключает сами эти вопросы и возможность предвидения – один спектакль сменяется другим, и человек не замечает, как становится зрителем-«бомжем», без традиций и без почвы.

^[1] О. Маслов, А. Прудник. «Бархатная революция» как неизбежность. – «Независимая газета», 13.05.2005.

^[2] В. Гуцин. Зачистка власти. – «Политический журнал», 2005, № 12.

^[3] С. Тамбиа. Национальное государство, демократия и этнонационалистический конфликт. - В кн. «Этничность и власть в полиэтничных государствах». М.: Наука. 1994.

^[4] В. Гуцин. Зачистка власти. – «Политический журнал», 2005, № 12.

^[5] А. Чадаев. Оранжевая осень. – «Со-общение», 2005, № 1.

^[6] Русский перевод: Ги Дебор. Общество спектакля. М.: ЛОГОС, 2000.

^[7] С. Тамбиа. Национальное государство, демократия и этнонационалистический конфликт. - В кн. «Этничность и власть в полиэтничных государствах». М.: Наука. 1994.

^[8] Там же.

^[9] Советского человека, которому приходилось в самом конце 80-х годов выезжать на Запад и наблюдать многопартийные выборы, чрезвычайно поражаало необъяснимая враждебность и даже ненависть кандидатов, демонстрируемая ими в ходе выборной кампании. По советским меркам она нарушала все обычные нормы приличия и часто казалась абсурдной - при том, что разницу в программах кандидатов надо было искать с микроскопом.

^[10] С. Тамбиа. Национальное государство, демократия и этнонационалистический конфликт. - В кн. «Этничность и власть в полиэтничных государствах». М.: Наука. 1994.

^[11] Н.Коровицына. С Россией и без нее: восточноевропейский путь развития. М.: Алгоритм-ЭКМО. 2003.

^[12] Убить его (а не просто свергнуть) посчитали не-об-ходимым, видимо, потому, что он создал недопустимый для «нового мирового порядка» прецедент — выплатил весь внешний долг Румынии.

Чаушеску освободил страну от финансовой удавки - показал, что в принципе можно, хотя и с трудом, выскользнуть из этой петли.

^[13] Примечательно, что недавно, в декабре 2004 г., откровенный западный фильм об этой страшной провокации был показан по российскому телевидению. Для кого? Не для Путина ли?

^[14] В.Осипов. – «Со-общение», 2005, № 1.

^[15] Дж. Комарофф. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века. - В кн. «Этничность и власть в полиэтнических государствах». М.: Наука. 1994.

Глава 4. «Бархатные революции» как программа манипуляции сознанием

«Бархатные» революции в качестве одного из главных своих этапов имеют *уличное* действие невооруженной толпы, как правило в столице государства. Это – большой политический спектакль, поставленный с применением специальных технических и художественных средств. Он оказывает сильнейшее воздействие на сознание как вовлеченных в толпу людей, так и на зрителей – жителей города и значительной части населения страны, наблюдающих спектакль по телевидению. Практически всегда эти революции становятся общемировым спектаклем, к трансляции которого привлекаются мировые СМИ.

Из этого видно, что главной задачей постановщиков спектакля «бархатной» революции является создание соответствующей их задачам *толпы*. Это означает, во-первых, привлечение к действию достаточной массы людей, их концентрация в нужных точках городского пространства, удержание их в нужных местах в течение необходимого времени и такая обработка их сознания, чтобы толпа по сигналам режиссеров точно выполняла именно те действия, которые требуются по сценарию. Это достигается посредством манипуляции сознанием исходя из богатого опыта по изучению толпы как особого типа человеческих коллективов. Сначала практические политики и философы систематизировали эмпирический опыт, позже к этой работе подключилась наука – социальная психология.

Социальная психология имеет в качестве объекта

не отдельную личность, а *группы* людей. С точки зрения возможности манипулировать поведением человеческих масс большое значение для возникновения целого большого направления социальной психологии имели книги Гюстава Лебона («Макиавелли массового общества», как назвали его недавно) «Психология масс» и «Душа толпы» (1895). Идеи, высказанные Лебоном, дополняли и развивали многие психологи и философы (например, З.Фрейд в книге «Массовая психология и анализ человеческого Я»). На прошедшей в середине 1990-х годов в США дискуссии о месте социальной психологии ее прикладная роль была определена инициатором дискуссии четко – «разработка систематизированных техник формирования образа мыслей и поведения людей в отношении друг друга, то есть разработка поведенческих технологий»^[1]. Начиная с 60-х годов XX века социальная психология перешла к массивным экспериментальным исследованиям, на базе которых и вырабатывались «поведенческие технологии».

Давно было подмечено, что у человека, который находится в тесном и прямом контакте с большой массой людей, резко меняется сознание. Ницше писал: «Когда сто человек стоят друг возле друга, каждый теряет свой рассудок и получает какой-то другой». Лебон в своей книге «Психология масс» перечисляет подмеченные им особенности толпы как кратковременного человеческого коллектива. Приведем его тезисы из раздела «Душа толпы».

В толпе «сознательная личность исчезает, причем чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, принимают одно и то же направление. Образуется коллективная душа, имеющая, конечно, временный характер, но и очень определенные черты... Индивид, пробыв несколько времени среди действующей толпы, под влиянием ли токов, исходящих от этой толпы, или каких-либо других причин — неизвестно, приходит скоро в такое состояние, которое очень напоминает состояние загипнотизированного субъекта».

Толпа – качественно новая *система*, а не конгломерат несвязанных единиц. В ней «нет ни суммы, ни среднего входящих в ее состав элементов, но существует комбинация этих элементов и образование новых свойств». Лебон пишет: «Индивид в толпе приобретает сознание непреодолимой силы, и это сознание позволяет ему поддаваться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда бывает один. В толпе же он менее склонен обуздывать эти инстинкты, потому что толпа ано-

нимна и не несет на себе ответственности. Чувство ответственности, сдерживающее всегда отдельных индивидов, совершенно исчезает в толпе».

Сознание толпы приобретает черты специфической рациональности постмодерна – из этого сознания выпадает проблематика *истины*. Главным критерием, определяющим восприятие толпы, становится привлекательность сообщений. Лебон пишет: «Толпа никогда не стремилась к правде; она отворачивается от очевидности, не нравящейся ей, и предпочитает поклоняться заблуждению, если только заблуждение это прельщает ее. Кто умеет вводить толпу в заблуждение, тот легко становится ее повелителем; кто же стремится образумить ее, тот всегда бывает ее жертвой».

Свойством сознания толпы является нетерпимость, отказ от рационального, диалогического типа рассуждений. Лебон пишет: «Толпе знакомы только простые и крайние чувства; всякое мнение, идею или верование, внушенные ей, толпа принимает или отвергает целиком и относится к ним или как к абсолютным истинам, или же как к столь же абсолютным заблуждениям. Так всегда бывает с верованиями, которые установились путем внушения, а не путем рассуждения... Каковы бы ни были чувства толпы, хорошие или дурные, характерными их чертами являются односторонность и преувеличение... Сила чувств в толпе еще более увеличивается отсутствием ответственности, особенно в толпе разнокалиберной».

Человек в толпе обладает удивительно высокой *восприимчивостью к внушению*. Лебон пишет: «В толпе всякое чувство, всякое действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу коллективному. Подобное поведение, однако, противоречит человеческой природе, и потому человек способен на него лишь тогда, когда он составляет частицу толпы... Прежде чем он потеряет всякую независимость, в его идеях и чувствах должно произойти изменение, и притом настолько глубокое, что оно может превратить скупого в расточительного, скептика – в верующего, честного человека – в преступника, труса – в героя. Отречение от всех своих привилегий, вотированное аристократией под влиянием энтузиазма в знаменитую ночь 4 августа 1789 года, никогда не было бы принято ни одним из ее членов в отдельности».

Лебон много места уделяет *изменчивости* толпы — ее удивительной способности моментально, «все разом» реагировать на импульсы, получаемые

от вожаков. Это показывает, что человек в толпе действительно обладает новым качеством, становится элементом новой системы. Он не обдумывает свои действия, а мгновенно подчиняется полученному каким-то образом сигналу.

Наконец, Лебон выдвигает одно важное положение, которое, видимо, опережало его время и, наверное, вызывало у современников удивление. Но сегодня, с развитием радио и телевидения, оно стало очень актуальным. Суть его в том, что для образования толпы не является необходимым физический контакт между ее частицами. Лебон пишет: «Тысячи индивидов, отделенных друг от друга, могут в известные моменты подпадать одновременно под влияние некоторых сильных эмоций или какого-нибудь великого национального события и приобретать, таким образом, все черты одухотворенной толпы... Целый народ под действием известных влияний иногда становится толпой, не представляя при этом собрания в собственном смысле этого слова».

Именно это мы и наблюдаем в последние десятилетия: население, подверженное постоянному воздействию масс-культуры и телевидения, превращается в огромную виртуальную толпу. Эта толпа находится не на площади, а в уютных квартирах у телевизоров, но вся она не структурирована и слушает одних и тех же лидеров и пророков, не вступая с ними в диалог.

Все перечисленные свойства толпы оказываются присущи тем толпам, которые организуются для совершения «бархатных» революций. О событиях на Украине А. Чадаев пишет: «О прочих условиях, вроде международного давления, массового выражения вдруг появившейся «гражданской позиции» звездами искусства и спорта, возникновения субкультуры народно-революционного творчества, ритуального шельмования тех немногочисленных заметных одиночек, которые посмели выступить против «восставшего народа» в поддержку «Страшного Кровавого Режима», не стоит и говорить – это следствия [главного] условия: ситуации разгоревшегося пожара, на который сбегаются все, кому не лень».

В обращении к толпе в ходе таких революций политики применяют все главные средства манипуляции сознанием. Первым таким средством можно считать постоянное повторение *магических слов-заклинаний*. Воздействуя на духовную сферу человека, слово порождает многоплановый цепной процесс, обладающий кооперативным эффектом. Пробужденное словом чувство усиливает ход мыс-

ли вызванной этим словом, а в воображении возникают и начинают жить своей жизнью *образы*. Лебон писал: «Могущество слов находится в тесной связи с вызываемыми ими образами и совершенно не зависит от их реального смысла. Очень часто слова, имеющие самый неопределенный смысл, оказывают самое большое влияние на толпу. Таковы, например, термины: демократия, социализм, равенство, свобода и т.д., до такой степени неопределенные, что даже в толстых томах не удастся с точностью разъяснить их смысл».

Культуролог из Москвы В.Осипов высоко оценивает владение этой техникой вождей «оранжевой» революции: «Слово *свобода* вообще звучало повсюду. Как и тема сознательного, ответственного народа... Это было как бы ответом на якобы фальсификацию выборов — то есть на попытку лишить народ возможности что-то решать... Ющенко сыграл хорошо — объявил людям: вас хотели обмануть. Вас считают за быдло. Но вы — не быдло, вы — народ, и скажете своё слово, от которого зависит всё».

Все эти слова, которые Ющенко бросал в толпу, не имеют жесткого конкретного содержания. Их функция — сплотить людей в толпу общей идентификацией («мы — не быдло»), наэлектризовать привлекательным магическим словом *свобода*. В столкновении с запрограммированным сознанием этой толпы проиграла типичная русско-советская рациональность — и элиты, и массы шахтеров и рабочих. И Янукович, и его избиратели говорили о тех ценностях, которые были для них очевидными и самыми важными и, как им казалось, должны были быть самыми важными для всех. Эти ценности — восстановление украинского хозяйства, рост производства угля и стали, повышение пенсий и зарплаты, политическая стабильность и порядок.

Язык Майдана был совсем другим, с точки зрения шахтеров Донбасса или металлургов Кривого Рога *иррациональным*. Там говорили и думали о свободе, Европе и рок-музыке. В.Осипов пишет: «Ющенко говорил удивительные вещи (ничего подобного украинцы не слышали никогда): вы навсегда запомните эти дни! Они пересекут вашу жизнь чертой! Вы никогда уже не будете прежними! Здесь и сейчас вы стали народом, решающим судьбу страны! Вы будете рассказывать внукам, что были с нами на Крещатике. Не дайте поставить себя на колени!»

В этих речах отсутствовала логика, но они оказывали сильное воздействие на чувства. Но в большой манипуляции сознанием игра на чувствах —

обязательный этап. Лебон писал: «Массы никогда не впечатляются логикой речи, но их впечатляют чувственные образы, которые рождают определенные слова и ассоциации слов». Он особо подчеркивал, что «в своей вечной борьбе против разума чувство никогда не бывало побежденным».

Умелый руководитель толпы должен постоянно поддерживать ее состояние радостного возбуждения и веру в победу. В.Осипов пишет о том, как выполнялось это правило в Киеве: «Тимошенко кричала, что уже и депутаты Европарламента надели оранжевые галстуки, и в Москве на машинах оранжевые ленточки висят. В её речах это звучало рефреном (который хором подхватывали): Сегодня Киев — завтра Москва».

Американский социолог Г. Блумер в работе «Коллективное поведение» пишет: «Функционирование пропаганды в первую очередь выражается в игре на эмоциях и предрассудках, которыми люди уже обладают». Кроме того, в области чувств легче создать «цепную реакцию» — *заражение*, эпидемию чувств. Здесь издавна известны явления, которых нет в индивидуальной психике, — *подражание*, стихийное распространение массового чувства. Наблюдатель событий в Киеве пишет: «Множество людей повязывают себе оранжевые повязки — символы принадлежности к оппозиции — на все части тела: руки, ноги, голову. Автовладельцы привязывают оранжевые ленточки на антенны, на зеркала, на колеса, ставят флажки внутри салона, ночами носятся по городу и сигналият в поддержку Ющенко (три сигнала — по количеству слогов в фамилии Ющенко). Безусловно, эта массовая истерия явно не оплачена»^[21]. Украинское телевидение передавало даже репортажи о киевлянах, выведивших на улицу своих кошек и собак с повязанными оранжевыми ленточками.

Едва ли не главным чувством, которое шире всего эксплуатируется в манипуляции сознанием, является *страх*. Есть даже такая формула: «общество, подверженное влиянию неадекватного страха, утрачивает общий разум». Поскольку страх — фундаментальный фактор, определяющий поведение человека, он всегда используется как инструмент управления. Причем используется не страх, отвечающий на реальную опасность, а страх иллюзорный, «невротический», который создается в воображении, в мире символов, в «виртуальной реальности».

Мы видели проявления такого иррационального страха в большой «бархатной» революции в Москве в августе 1991 г. М. Леонтьев писал тогда в

«Независимой газете»: «Никогда ни в одном государстве мира военный переворот не означал такой физически ощутимой угрозы жизни для десятков тысяч предпринимателей. И никогда демократия не получала столь единодушной поддержки от бизнеса». Представьте только – ожидать, что ГКЧП поставит к стенке «десятки тысяч предпринимателей»!

«Щепотку страха» добавляли к своим вызывающим эйфорию лозунгам и вожди «оранжевой» революции на Майдане. В.Осипов пишет: «Речи лидеров оппозиции – Ющенко, Тимошенко, других – были очень хорошо построены. Их смысл сводился к тому, что любой новый ход оппозиции объявлялся очередной победой, но при этом всегда подчеркивалось, что нельзя расслабляться, нельзя уходить с Майдана! В каждом выступлении звучало: власть уже кому-то раздаёт дубинки, прибыли толпы люмпенов из Донецка, где-то прячется московский спецназ... Утверждалось: мороз приходит из Кремля!»

Толпа верила этому. Прочитанный выше наблюдатель (А.Вальцев) пишет о настроениях на Майдане: «Их (в том числе состоятельных людей и существенную часть интеллигенции, студентов и старшекласников) легко запутать, обмануть... По отношению к украинскому избирателю применялись отточенные до деталей западными политтехнологами методы оболванивания больших масс людей. Избирательная кампания Ющенко – это сплошной черный пиар, цель которого разжечь антирусские настроения и заставить поверить, что украинцы живут плохо из-за России. Абсолютное большинство ющенкоцев верит в то, что в Украину приехал русский спецназ, готовый убивать беззащитных украинцев. Все видели этот эфемерный спецназ, а отличили его поговору. Люди верили не только в ахинею про русский спецназ, но и про российские войска на границе, про тайные планы вторжения российских войск, про то, что русские обворовывают бедных украинцев и т.д.»^[3]

Трудно поверить, что образованные люди в Киеве верили в страшный русский спецназ, но это так. Уже с конца XIX века ряд европейских ученых (особенно Гюстав Лебон) акцентировали внимание на значении *внушения* в общественных процессах. Лебон много писал о податливости внушению как общем свойстве толпы: «Первое сформулированное внушение тотчас же передается вследствие заразительности всем умам, и немедленно возникает соответствующее настроение». Была даже выдвинута гипотеза о наличии у человека «инстинкта подчи-

нения». В 1903 г. русский психофизиолог В.М.Бехтерев издал книгу «Внушение и его роль в общественной жизни». Он описал явление массового внушения под влиянием «психического заражения», то есть при передаче информации с помощью разных знаковых систем.

Лебон неоднократно возвращается к роли образов в программировании поведения: «Толпа мыслит образами, и вызванный в ее воображении образ в свою очередь вызывает другие, не имеющие никакой логической связи с первым... Толпа, способная мыслить только образами, восприимчива только к образам. Только образы могут увлечь ее или породить в ней ужас и сделаться двигателями ее поступков».

Поэтому помимо чувств важнейшим объектом манипуляции сознанием является воображение – превращение какой-то частички реальности в образ, создаваемый сознанием (фантазией) человека. Лебон писал в книге «Душа толпы»: «Могущество победителей и сила государств именно-то и основываются на народном воображении. Толпу увлекают за собой, действуя главным образом на ее воображение... Не факты сами по себе поражают народное воображение, а то, каким образом они распределяются и представляются толпе. Необходимо, чтобы, сгущаясь, если мне будет позволено так выразиться, эти факты представили бы такой поразительный образ, что он мог бы овладеть всецело умом толпы и наполнить всю область ее понятий. Кто владеет искусством производить впечатление на воображение толпы, тот и обладает искусством ею управлять».

Когда читаем речи ораторов «бархатных» и «оранжевых» революций, можно видеть, что они строятся не из рациональных понятий и категорий, а именно из образов. Они заполняют пространство, как призраки – народ и быдло, «донецкие урки», русский спецназ... Максимальной подвижностью и уязвимостью перед манипуляцией обладает сочетание двух «гибких» миров – воображения и *чувств*. Говорят, что эмоции – основные деятели в психическом мире, а образы – строительный материал для эмоций. Карл Густав Юнг пишет: «Образы, созданные воображением, существуют, они могут быть столь же реальными – и в равной степени столь же вредоносными и опасными, – как физические обстоятельства. Я даже думаю, что психические опасности куда страшней эпидемий и землетрясений».

Исключительно сильная комбинация воображения и чувств возникает при воздействии на созна-

ние образа *крови* и гибели людей, особенно гибели невинных. При этом образ крови воздействует на сознание по-разному в зависимости от того, как он *интерпретируется* теми источниками информации, которые захватили внимание массы. Во время «путча ГКЧП» в Москве в августе 1991 г. гибель трех юношей (причем в результате несчастного случая) стала важной вехой в процессе ликвидации советского государства, – а расстрел из танков здания Верховного Совета, наполненного безоружными людьми, в октябре 1993 г. прямого активизирующего эффекта на массовое сознание не произвел – «интерпретаторы» сумели это воздействие нейтрализовать.

От того, в какой мере удастся революционерам захватить те центры, из которых ведется интерпретация текущих событий, во многом зависит успех всей «бархатной» революции. На Украине оппозиция эту схватку выиграла, она завоевала «символическую власть». Р.Шайхутдинов пишет: «Символическая власть, или власть интерпретаций – контроль того, как люди понимают и воспринимают события и ситуации с использованием механизмов коммуникации. Власть направляет и подсказывает: что важно, а что нет, на что обратить внимание, а на что не надо, что существует, а чего нет совсем. Действующая в этой плоскости власть не дала бы транслировать клятву Ющенко на Библии в верности украинскому народу на всю страну».

Выше говорилось, что «бархатные» революции действуют в пространстве *общества спектакля*, их условием является предварительное превращение граждан в толпу зрителей. Но в манипуляции сознанием театрализация имеет и буквальное значение, как использование специальных театральных эффектов и технических средств. Лебон уделял большое внимание воздействию театра на толпу. Он писал: «Театральные представления, где образы представляются толпе в самой явственной форме, всегда имеют на нее огромное влияние... Ничто так не действует на воображение толпы всех категорий, как театральные представления».

Присущий театру кооперативный эффект комбинации текста и образа связан с тем, что соединяются два разных типа восприятия, которые входят в резонанс и взаимно «раскачивают» друг друга – восприятие *семантическое* и *эстетическое*. Самые эффективные средства информации всегда основаны на контрапункте, гармоничном многоголосии, соединении смысла и эстетики. Они одновременно захватывают и мысль, и художественное чувство

(говорят, что «семантика убеждает, эстетика обольщает»).

На этом основана сила воздействия *театра* (текст, звук голосов, цвет, пластика движений) и особенно оперы. Воздействуя через разные каналы восприятия, сообщение, «упакованное» в разные типы знаков, способно длительное время поддерживать интерес и внимание человека. Поэтому эффективность его проникновения в сознание и подсознание несравненно выше, чем у «одноцветного» сообщения. Соединение многих знаковых систем в театре создает совершенно новое качество, благодаря чему *зрительный зал* образует специфическую «очарованную» толпу.

Лебон отметил важную вещь: «Часто совсем невозможно объяснить себе при чтении успех некоторых театральных пьес. Директора театров, когда им приносят такую пьесу, зачастую сами бывают не уверены в ее успехе, так как для того, чтобы судить о ней, они должны были бы превратиться в толпу».

Это в полной мере учли организаторы «оранжевой» революции. В.Осипов пишет: «Сцены стояли во всех стратегических пунктах: у здания правительства, у Рады, на площадях. Шоу, песни, музыканты использовались «оранжевыми» как оружие революции. То есть именно так, как мы планировали в 2002 году, работая с группой «Скрябин» — концерты прошли тогда в Киеве. Конечно же, менеджеры проекта «Оранжевая революция» были в курсе наших начинаний и использовали опыт кампании Озимого Поколения»^[4].

Все наблюдатели, изучавшие ход «оранжевой» революции на Украине, отмечали умелое сочетание множества каналов воздействия на массовое сознание – текста и образов, музыки и пластики, света и цвета. Для этого применялись и самые современные специальные эффекты. В.Осипов пишет: «Тут важно подчеркнуть интересные технические аспекты. Представьте себе: Ющенко, выходя на Майдане, выкрикивает лозунг. И тут же он высвечивается лазером на стенах домов. Толпа скандирует речёвку, и снова — лазерная графика. Технически революционеры были оснащены великолепно. То есть для подключения масс к изменённому состоянию сознания задействовались все каналы восприятия — слух, зрение...»

В «бархатных» революциях мы видим применение особого языка – коротких (иногда из одного слова) лозунгов, которые непрерывно повторяют-

ся – и в виде графических образов, и в речи вождей революции с трибун, и в скандировании толпы. Человеку всегда кажется убедительным то, что он запомнил, даже если запоминание произошло в ходе чисто механического повторения, как назойливой песенки. Внедренное в сознание сообщение действует уже независимо от его истинности или ложности. А. Моль подчеркивает: «На этом принципе и основана вся пропагандистская деятельность и обработка общественного мнения прессой». Еще раньше ту же мысль выразил Геббельс: «Постоянное повторение является основным принципом всей пропаганды».

Упрощение позволяет высказывать главную мысль, которую требуется внушить аудитории, в «краткой, энергичной и впечатляющей форме» – в форме *утверждения* (как приказ гипнотизера – приказ без возражения). Как пишет С.Московичи, «утверждение в любой речи означает отказ от обсуждения, поскольку власть человека или идеи, которая может подвергаться обсуждению, теряет всякое правдоподобие. Это означает также просьбу к аудитории, к толпе принять идею без обсуждения такой, какой она есть, без взвешивания всех «за» и «против» и отвечать «да» не раздумывая».

За последние десятилетия СМИ стали важным фактором укрепления этого типа мышления. Они приучали человека мыслить стереотипами и постепенно снижали интеллектуальный уровень сообщений так, что превратились в инструмент оглушения. Этому послужил главный метод закрепления нужных стереотипов в сознании – *повторение*. С.Московичи писал в «Учении о массах»: «Грамматика убеждения основывается на утверждении и повторении, на этих двух главенствующих правилах». Он приводит слова Лебона: «Повторение внедряется в конце концов в глубины подсознания, туда, где зарождаются мотивы наших действий».

Повторение – один из тех «психологических трюков», которые притупляют рассудок и воздействуют на бессознательные механизмы. При интенсивном употреблении этого приема стереотипы усиливаются до устойчивых предрассудков, человек тупеет. С.Московичи пишет: «Повторение придает утверждениям вес дополнительного убеждения и превращает их в навязчивые идеи. Слыша их вновь и вновь, в различных версиях и по самому разному поводу, в конце концов начинаешь проникаться ими... Будучи навязчивой идеей, повторение становится барьером против отличающихся или противоположных мнений. Таким об-

разом, оно сводит к минимуму рассуждения и быстро превращает мысль в действие, на которое у массы уже сформировался условный рефлекс, как у знаменитых собак Павлова... С помощью повторения мысль отделяется от своего автора. Она превращается в очевидность, не зависящую от времени, места, личности. Она не является более выражением человека, который говорит, но становится выражением предмета, о котором он говорит... Повторение имеет также функцию связи мыслей. Ассоциируя зачастую разрозненные утверждения и идеи, оно создает видимость логической цепочки».

Как только появляется эта видимость, облегчается захват аудитории из интеллигенции. Теперь интеллигент может с легким сердцем верить любому абсурду, потому что в его сознании не протестует логика – «полиция нравов интеллигенции».

Важнейшим средством (и признаком) манипуляции сознанием в политике является *замалчивание проекта*. Проект заменяется *политическим мифом*. Поэтому общее правило манипуляции при обращении к толпе — уклончивость в изложении позиции, использование туманных слов и метафор. Ясное обнаружение намерений и интересов, которые отстаивает «отправитель сообщения», сразу включает психологическую защиту тех, кто не разделяет этой позиции, а главное, побуждает к мысленному диалогу, а он резко затрудняет манипуляцию.

Иными словами, политик, собирающий под свои знамена граждан, тщательно избегает говорить о цели своего «проекта», о том, что ждет граждан и страну в том случае, если он с помощью их голосов (или действий) придет к власти. Вся его явная пропаганда сводится к обличению противника, причем к обличению главным образом его «общечеловеческих» дефектов: попирает свободу, поощряет несправедливость, врет народу, служит вражеским силам и т.д. Из всех этих обличений вытекает, что при новом режиме всех этих гадостей не будет, а воцарится свобода, справедливость, нравственность, трезвость и т.д.

Первыми признанными мастерами такой пропаганды были якобинцы во время Великой французской революции. Большое историческое исследование ее проделал в год ее столетнего юбилея П.Кропоткин. Он взглянул на нее по-новому, и она потрясла цинизмом нового типа пропаганды. Из всей совокупности речей и текстов, возбуждающих ненависть к старому режиму, абсолютно невозможно было «вычислить» тот проект будущего жизнеустройства, который стоял за отрица-

нием. И дело было не в том, что революция всегда заводит не совсем туда, куда обещали революционеры. Якобинцы сознательно умалчивали о своих намерениях.

Все «бархатные» революции, включая ядро этой системы переворотов, - перестройку Горбачева - отличаются тем, что временное сплочение общества для разрушения прежней государственности достигалось исключительно путем *мифологизации прошлого*. Не допускалось никакого диалога относительно будущего жизнеустройства, единственной и главной целью было разрушение прошлого, ибо *так жить нельзя!* Пресекались всякие попытки даже задать вопрос о проекте. Горбачеву даже пришлось прямо высказаться по этому поводу: «Нередко приходится сталкиваться с вопросом: а чего же мы хотим достигнуть в результате перестройки, к чему прийти? На этот вопрос вряд ли можно дать детальный, педантичный ответ».

Это обман, никто и не просил педантичного ответа, спрашивали об общей цели. Когда писатель Ю.Бондарев задал предельно общий вопрос («Вы подняли самолет в воздух, куда садиться будете?»), его представили чуть ли не фашистом. Риторика этих революций была несовместима с нормами рациональности и просто со здравым смыслом, в заявлениях политиков не было ни логики, ни разумной меры.

После ликвидации СССР в декабре 1991 г. М.С.Горбачев заявил: «Мои действия отражали рассчитанный план, нацеленный на обязательное достижение победы... Несмотря ни на что, историческую задачу мы решили: тоталитарный монстр рухнул! Мыслимо ли слышать такие слова от верховного правителя о своем государстве, которому он присягал на верность?»

Вот рассуждения М.С.Горбачева о роли государства в экономике, построенные, как и все остальные рассуждения, в манипулятивном ключе. Он пишет: «Отличительной особенностью советской тоталитарной системы было то, что в СССР... человек был поставлен в полную материальную зависимость от государства, которое превратилось в монопольного экономического монстра».

Это не вяжется со здравым смыслом и логикой. Почему государство, обладая собственностью, становится «монстром»? А почему не монстр частная корпорация «Дженерал электрик», собственность которой побольше, чем у многих государств? Почему, если собственность государственная, человек «поставлен в полную материальную зависимость от государства» - а, например, не

от своего труда? В чем реально выражалась «полнота» этой зависимости? Чем в этом смысле государственное предприятие хуже частного? Почти во всех отношениях оно *для работников* как раз лучше, это подтверждается и логикой, и практикой. А об интересах будущих «капиталистов» Горбачев ни слова не говорил.

Горбачев вытаскивает из нафталина троцкистский тезис об «отчуждении» работника в СССР: «Массы народа, отчужденные от собственности, от власти, от самодеятельности и творчества, превращались в пассивных исполнителей приказов сверху. Эти приказы могли носить разный характер: план, решение совета, указание райкома и так далее - это не меняет сути дела. Все определялось сверху, а человеку отводилась роль пассивного винтика в этой страшной машине».

Это – примитивная схоластика манипулятора, имеющая целью подавить разум человека потоком слов. Почему же люди, имевшие надежное рабочее место на предприятии и широкий доступ к культуре (в том числе к изобретательской деятельности), становились «отчужденными от самодеятельности и творчества»? Все это пустые слова, нечего тут ломать себе голову в поисках смысла.

Вот, Горбачев рисует страшный образ «приказов сверху». А как же иначе может жить человек – не в джунглях, а в цивилизованном обществе? Люди обязаны ценить организацию общества, а иначе оно превратится в джунгли. И как понять, что хотя «приказы могли носить разный характер», это не меняет сути дела? Как такое может быть? «План, решение совета, указание райкома, сигналы светфора и так далее» – все это разные способы координации и согласования наших усилий и условий нашей жизни. Почему же им не надо подчиняться? Почему, если ты следуешь обдуманному плану действий, ты становишься «винтиком в этой страшной машине»? Как могли миллионы образованных людей этому аплодировать!

А вот способ обращения с понятиями и мерой. В разговоре на телевидении с В.Познером (в марте 2005 г.) Горбачев походя выдает такую сентенцию: «То есть, вообще говоря, надо было менять структуру. Ведь всего 8-10 процентов фондов работало на обеспечение жизненных условий людей. Все остальное работало или само на себя или на оборону».

Это миф, доведенный до абсурда. Только ЖКХ (жилье, теплоснабжение, водопровод и пр.), то есть жизнеобеспечение в самом прямом смысле слова, составляло около трети фондов страны.

Еще треть фондов – сельское хозяйство и транспорт. Что значит, например, что фонды свинофермы или московского метро «работали сами на себя»? И разве оборона не «работает на обеспечение жизненных условий людей»? Да задумывался ли когда-нибудь этот Главнокомандующий Вооруженными силами СССР, зачем вообще нужна оборона?

Столь же абсурдна и мифологична трактовка прошлого у предводителя «бархатной» революции, ставшего президентом Чехословакии, В.Гавела: «Нашим воздухом нельзя дышать, нашу воду нельзя пить. Рождаются больные дети, так как родители вместо кислорода дышат серой, вместо воды пьют нефть с хлором. Мы разрушили или запустили прекрасные города и села. Покрыли страну крольчатниками, в которых нельзя жить, можно только спать и смотреть телевизор. Умирают наши леса. Десятки тысяч людей работают ради того, чтобы жить все хуже. Крупнейшие машиностроительные заводы зарабатывают не деньги, а долги. Через несколько десятков лет наша земля перестанет родить. Наша экономика во главе таблицы тех, кто зря расходует энергию. Наши деньги - не деньги, за них ничего не купить в двух километрах за Шумавой. Большинство больниц не выполняют своей миссии, а тысячи врачей заполняют бумаги, которые после них никто не читает. Миллионы людей делают бессмысленную работу. Наши студенты не ездят летом по Европе, не знают языков, не узнали, кто такой Шекспир, потому что должны были изучать, что коммунизм является вершиной истории мира»^[5].

Представьте: до «бархатной» революции жители ЧССР «вместо кислорода дышали серой, вместо воды пили нефть с хлором»! Это уже не метафоры и не гиперболы, это заклинания шамана. «Наши деньги - не деньги, за них ничего не купить в двух километрах за Шумавой». Почему же они не деньги, если перед Шумавой за них можно было купить практически то же самое, что иностранцы за Шумавой покупают на тамошние деньги? «Наши студенты не ездят летом по Европе, не узнали, кто такой Шекспир»! До какого состояния надо было довести массовое сознание, чтобы люди проглатывали такие вещи. Действительно, «поминки по Просвещению», постмодернизм логики не признает. Никак не устоит эта цивилизация перед Китаем и Индией.

Почему же так эффективен миф в манипуляции сознанием? Политический миф деформирует и «упорядочивает» хаос политической реальности,

что становится острой потребностью людей в момент кризиса. Миф *интерпретирует* реальность и создает иллюзию порядка. Миф фабрикуется в лаборатории политтехнологов. Ведущий специалист США по пропаганде Г. Лассуэлл дает такое определение: «Политический миф - это комплекс идей, которые массы готовы рассматривать в качестве истинных независимо от того, истинны они или ложны в действительности».

Конструируя политический миф, политтехнологи создают как образ «сил Добра», так и их противника, «империи зла». Так, Советский Союз в пропаганде США времен Рейгана был представлен не просто как геополитический и идеологический противник, а как воплощение Зла, как враг человечества, которому должна быть объявлена священная война. В глазах американского обывателя это упорядочило мир, сняло стресс неопределенности. Потом на уровень американского обывателя стали ударными темпами переводить и мышление европейцев.

Техника подмены проекта мифом была эффективно применена и в «оранжевых» революциях последних лет. Например, из всех речей Ющенко и Тимошенко нельзя составить никакого связного образа того жизнеустройства, которое они предлагают для Украины в противовес обыденному, но связному проекту их оппонентов. Вместо проекта был предложен миф о *борьбе оппозиции с коррумпированной властью*. Ющенко был представлен как *сила Добра* («борец с режимом»), а Янукович – как *сила Зла* («ставленник режима Кучмы и Москвы»).

Не будем сейчас анализировать всю эту конструкцию, возьмем только миф «борец с режимом». Украинский обозреватель пишет: «Политическая программа и риторика Ющенко эклектичны. Ющенко, как и Кучма, и Янукович, и Саакашвили, и Путин, и Лукашенко – не правый и не левый, не либерал и не консерватор, не фашист и не социал-демократ. Избирателям он предложил «микс» из разваренных до полного безвкусыя кусочков либеральных и социалистических идей, провинциального украинского национализма и провинциального же западничества. Но главным компонентом все же был *протест*. Протест против непопулярной «влады», раздробленной, нерешительной, а потому не опасной, т.е. чрезвычайно удобной в качестве мишени...»

К несомненным успехам его самого и команды надо отнести навязывание сопернику собственной повестки кампании «*власть против оппозиции*».

Кстати, при любой другой повестке Ющенко бы неизбежно проиграл борьбу за симпатии украинцев. Это и «пророссийский кандидат против прозападного», и «кандидат Востока против кандидата Запада [Украины]», и «кандидат от промышленников против кандидата от спекулянтов» и пр. Себя бывший председатель правления Нацбанка и бывший премьер подавал как оппозицию.

Все наиболее узнаваемые лица оранжевых – из «бывших»: Ющенко и Кинах – бывшие премьеры, Тимошенко и Пинзеник – бывшие вице-премьеры, Тарасюк, Головатый – бывшие министры (из пришедших на память, вообще-то их больше), Червоненко – бывший глава Госрезерва, и это не считая целого сонма бывших начальников всевозможных департаментов, ведомств и администраций. Все они – назначенцы если не Кучмы, то Кравчука»^[6].

«Антиноменклатурная» установка так долго нагнеталась в сознание советских людей (и либералами XIX века, и троцкистами 20-30-х годов, и «шестидесятниками», и «архитекторами перестройки»), что ушла в подсознание и чуть ли не стала одним из архетипов коллективного бессознательного. Обращение к подсознанию, самая сильная сторона манипуляции сознанием. Это и было учтено. Р.Шайхутдинов пишет: «Люди уже подсознательно верят: политик Ющенко, в отличие от партбюрократа Януковича, не может не вести честную игру».

Действительно, представление Ющенко в плане борьбы противоположностей *оппозиция-власть* было единственной возможностью не дать возникнуть в сознании толпы размышлениям и хотя бы внутреннему диалогу относительно реальных последствий избрания Ющенко президентом для Украины – и в экономическом, и в геополитическом плане. Для такой ситуации был выбран хорошо изученный и надежный миф.

Классической операцией, завершившей разработку технологии «раскрутки» с помощью такого мифа была кампания по выборам в сенат США в 1966 г. совершенно непроходного кандидата, «самодельного миллионера» М.Шаппа. Его продвигал видный специалист по политической рекламе президент американской ассоциации политических консультантов Дж.Нейполитен. Он взялся за эту работу не столько ради денег, сколько для отработки технологии. Изучив обстановку, он выбрал главный лозунг кампании - «*Человек против Машины*». Была разработана легенда о противоборстве Шаппа с «номенклатурным аппаратом».

За мишень для манипуляции было взято «общечеловеческое» чувство недоверия и недоброжелательства к власти и бюрократии. Фактически о Шаппе в рекламном ролике вообще не было речи, ролик просто эффективно разжигал антиноменклатурный психоз. Шапп лишь представлял *Человеком*, бросившим вызов *Машине*. Полученные в ходе этого эксперимента данные расширили возможности манипуляции. Оказалось, что на антиноменклатурной волне можно продвинуть абсолютно непригодного по всем показателям человека.

Эта техника была повторена во время перестройки в СССР. Для Ельцина был выбран и создан имидж «борца с номенклатурой». Для этого не существовало никакого «реального» материала - ни в биографии, ни в личных взглядах Ельцина. Он сам был едва ли не самым типичным продуктом «номенклатурной культуры». Тем не менее, за весьма короткий срок и с небольшим набором примитивных приемов (поездка на метро, визит в районную поликлинику, «Москвич» в качестве персонального автомобиля) имидж был создан и достаточно прочно вошел в массовое сознание.

Наконец, как будто для того, чтобы сделать «оранжевую» революцию на Украине хрестоматийным примером манипуляции сознанием, массовое сознание было возбуждено *сенсацией* – отвлечением Ющенко.

Сенсация это - сообщение о событиях, которым придается столь высокая важность, что на них концентрируется и нужное время удерживается почти все внимание публики. Под прикрытием сенсации можно или умолчать о важных событиях, которых публика не должна заметить, или прекратить скандал или психоз, который уже пора прекратить - но так, чтобы о нем не вспомнили. Сенсационность - это технология. Выработаны даже количественные критерии подбора тех событий, которые можно превратить в сенсацию. Для создания образа Ющенко как «борца с системой» была использована даже его болезнь, которая, казалось бы, должна была бы ухудшить эстетические качества его образа.

Манипулятивный характер раскрученной в СМИ сенсации виден уже из того, что у технологов даже не было необходимости вырабатывать и предлагать правдоподобные версии. Объяснения были зачастую нелепыми, но это совершенно не имело значения – сенсация действует не по законам рациональности.

В СМИ была запущена версия «отравления диоксинами». Но состояние здоровья Ющенко никак не укладывалось в хорошо изученную картину такого отравления. Свои отравляющие свойства диоксин проявляет при длительном и медленном поступлении в организм малых доз; большую дозу, подмешанную в пищу или питье, можно легко определить по характерному вкусу и запаху. Наконец, сама идея использовать столь труднодоступное, но легко обнаруживаемое вещество при наличии сотен высокоэффективных и трудно определяемых в организме ядов кажется совершенно неправдоподобной.

Тем не менее, было добыто «свидетельство венских врачей», согласно которому Ющенко был отравлен диоксином, «дозой в несколько миллиграммов или в количествах около одного грамма» (!). Как писала западная пресса, «если это соответствует действительности, то речь идет о присутствии в организме самого большого количества отравляющего вещества, которое когда-либо регистрировалось при обследовании пострадавших: прежний рекорд 1998 года, тоже зарегистрированный в Вене, был побит почти в 1000 раз. Тогда, странным образом, 30-летний человек был отравлен с помощью примерно 1,6 миллиграмма диоксина. Во время катастрофы в Севесо в 1976 году самые большие дозы отравления были намного меньше одного миллиграмма»^[7].

Пресса была заполнена гремучей смесью ключевых слов и фраз: «яды», «КГБ», «отравление борца за свободу и демократию Ющенко», «Ющенко при смерти»... Чего стоит одно заглавие статьи в «Нью-Йорк Таймс» (20 декабря 2004 г.): «Убийство за столом. Тарелка супа из рук дьявола». Замечательно, что московские демократы сразу увидели «руку КГБ». Их товарищей, оказывается, тоже травил диоксином. Пресса писала: «Названные симптомы, внутренние и наружные, по свидетельству очевидцев, напоминают те, что наблюдались перед смертью у нашего коллеги, депутата Юрия Щекочихина. Версию его отравления поддерживают его товарищи по партии «Яблоко»^[8].

Когда отпала необходимость, вся эта «сенсация» была тихо свернута, и о ней практически больше никто не вспоминает. Она – всего лишь расходный материал в технологии манипуляции сознанием.

^[1] При этом из литературы по социальной психологии видно, что «коррективы в поведение» эти технологии предполагают вносить *без ведома* субъектов человеческих отношений.

^[2] С.Вальцев. Украинский раскол, как он есть. – «Дуэль», 2005, № 2 (402).

^[3] Там же.

^[4] В.Осипов говорит о его работе политтехнологом на Украине в выборной кампании в Верховную Раду группы кандидатов, которая имела условное название «Озимое поколение».

^[5] «Известия». 1990, 13 апреля.

^[6] Сергей Донецкий 2005. Контр ТВ

^[7] www.inosmi.ru/translation/215643.

^[8] И. Гальперин. «Роковая вечеря» *